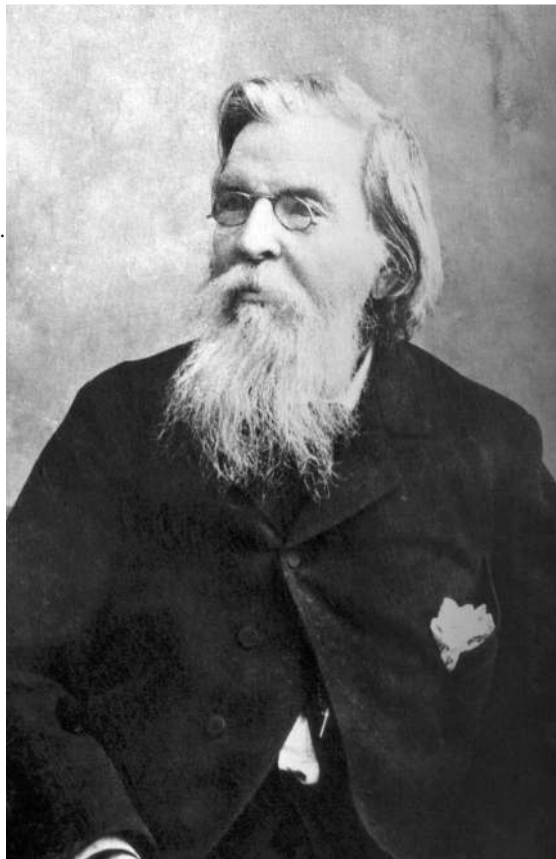

Юрий Ромашков

Аркан золотого бога

*Я тот, кому акциз не страшен,
Кому не нужен и кабак,
Чей бюст медалью не украшен!
Кого не любит и табак...*

А. И. Тарасов¹

А. И. Тарасов в начале 1900-х гг.

Для тех, кто интересуется эпохой промышленной добычи золота в Енисейском округе, давно не секрет, что данная сфера не терпела случайных людей. «Вывернувших шубы», как здесь именовали разорившихся золотопромышленников, Енисейск увидел немало, а новости об очередном банкротстве того или иного дельца даже становились достоянием либеральной сибирской прессы. Некоторые периодические издания той поры специально даже выделяли колонку или рубрику, посвящённую злободневной теме. В плеяде удачливых предпринимателей постоянно убывало, и дело здесь не только в пресловутой удаче, а, скорее, в успешном внедрении новых технологий, удачном распоряжении полученными капиталами и маневрировании на внутреннем рынке рабочей силы, которая тогда ещё представляла собой неоднородную массу вышедших на заработок крестьян. Всё это требовало от золотопромышленника как «природного» чутья», так и профессиональных навыков в знании отрасли. А если всего вышеперечисленного не хватало, чтобы быть успешным в делах добычи драгоценного металла, то арсенал средств пополняли скандалы и судебные тяжбы, которые и запечатлели в истории Енисейска купца Алексея Ивановича Тарасова, о непростом жизненном пути которого и пойдёт рассказ в настоящей статье. Далее по тексту все даты указываются по старому стилю.

Алексей Иванович Тарасов происходил из купцов города Вышний Волочёк. Его отец, купец III гильдии Иван Тарасов, в 1846 году выдал сыну доверенность на ведение торгова. А. И. Кытманов приводит любопытную деталь из данного свидетельства: «Убедившись в опытности твоей, я решил дать тебе случай заняться делами по званию купца III гильдии»². Несмотря на столь серьёзную опеку со стороны отцовского капитала, наш герой не всегда оправдывал чаянья отца. Интересно, что в ранних источниках он фигурирует

не как купец III гильдии, а как купеческий сын. И в последующем, куда бы ни вводили его торговые пути, он всегда будет помнить свою малую родину, оставив в фотографическом альбоме, хранящемся в Енисейском краеведческом музее, несколько видов Вышнего Волочка. К сожалению, это всё, что мы можем сказать на сегодняшний день о семье Алексея Ивановича, который ни в личной, ни в деловой переписке её не упоминает.

Итак, получив от отца свидетельство, Алексей Иванович начинает самостоятельные операции. В 1840-е годы Енисейская губерния служила местом активного вовлечения капиталов в набравшую обороты золотопромышленность. Компании И. В. Базилевского, Н. И. Маливинского, Д. Е. Бенардаки, Зотовых активно осваивали регион, вовлекая в процесс и здешнее купечество, которое в этой сфере оставалось довольно пассивным,

1. Подпись к «Портретам и видам разных лиц и мест, снятых фотографически А. И. Тарасовым в разное время». 1878–1880 гг. ОФ. 4898. С. 3.
2. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Красноярск, СФУ, 2016. С. 286.

ограничиваясь лишь подрядами на поставку продовольствия на прииски. С разрешением правительства частным лицам заниматься золотым промыслом, который до 1828 года не выходил из пределов Уральской горной области³, наметится новый этап и в становлении енисейского купечества. А. И. Тарасов также решил попробовать себя в этой отрасли, но, не имея опыта в разработке золотых месторождений, на первое время ограничился снабжением приисковых партий. Однако первые же подряды обернулись судебными тяжбами.

Первый известный нам контракт был составлен между ним и золотопромышленником Соловьёвым. Контракт предполагал продажу с доставкой Тарасовым на прииски Соловьёва трёхсот пудов муки и трёх тысяч пудов овса. При этом в договоре была допущена «лазейка», которой наш герой не преминул воспользоваться. Когда цена на хлеб поднялась ещё выше, он, получив задаток от Соловьёва, продал приготовленный хлеб в другом месте. «Лазейка» заключалась в том, что Соловьёв не включил в условие конкретных сроков доставки припасов, что можно расценить как его юридическую неграмотность, давшую возможность Тарасову манипулировать исполнением обязательств по своему усмотрению, доставив только часть припасов на соловьёвские прииски. В 1847 году уполномоченный Соловьёва помещик Морозов подал на Алексея Ивановича в Енисейский городской суд, который присудил ему выплаты в пользу обманутого золотопромышленника. В этом же году А. И. Тарасов записывается во II гильдию енисейского купечества. Это покажется странным, но при всём сохранившемся массиве документов мы не можем ничего сказать о его семейном положении и большинстве близких. Скорее всего, наш герой всю жизнь был холост, иначе в его фотолюбительском альбоме нашлось бы место для изображений жены и детей.

После разбирательств с Соловьёвым, практически без перерыва, наш герой включается в новую тяжбу—на этот раз с ачинским II гильдии купцом Александром Даниловым. Тарасов, согласно условиям договора, обязался доставить хлеб из Иркутской губернии. И вновь операция не была выполнена им в полной мере. Купец Данилов подал

А. И. Тарасов во время поездки на один из своих приисков. Фото 1879 г.

жалобу в Енисейский городской суд. В 1848 году суд начал рассмотрение дела, из которого, со слов потерпевшего Данилова, выяснялось следующее. Алексей Иванович Тарасов получил сумму на приобретение хлеба в Иркутской губернии в десять тысяч рублей. Хлеб был удержан, поэтому Данилов сначала пришёл с заявлением в Енисейскую городскую управу, утверждая, что зерно удержано приказчиком купца Тарасова, крестьянином Анциферовской волости Фёдором Кытмановым⁴. А. И. Тарасов же, в свою очередь, парировал тем, что он «поручил приказчику Кытманову сделать с Даниловым окончательный расчёт, на что последний, приняв от Кытманова счёт, не выдал следующих денег. Потом он просил лично рассчитаться, но Данилов отказался, так как он является к Тарасову не обязан»⁵. Исходя из того, что Тарасов израсходовал все даниловские деньги, так и не выполнив условий договора, Енисейский городской суд вынес решение в пользу ачинского купца. Но наш герой, как пишет А. И. Кытманов, «пропустил сроки апелляции, и началось обширное дело по взысканию этих денег»⁶. Интересно, но незадолго до этого инцидента оба купца успешно сотрудничали, что подтверждается актовыми соглашениями: «1847 г. марта 19 дня принято от господина А. И. Тарасова овса в кулях и мешках чистого весу двадцать пудов двадцать фунтов купцу Александру Данилову. Кули и мешки обязуюсь доставить. Принял приказчик Пётр»⁷.

В 1848 году Алексей Иванович Тарасов именуется I гильдии керченским купцом. Однако новый статус не принёс его владельцу спасения от череды судебных разбирательств, словно его личность сама притягивала скандалы, частым инициатором которых являлся он сам. Теперь он уже самостоятельно решает заняться золотодобычей, купив семьдесят девять паёв из ста, принадлежавших большой компании Першкикина—Бенардаки. Изначально компания планировала продать девяносто пять паёв, но в последующем изменила своё решение. Покупка стала своего рода прологом к большой тяжбе, которая длилась

3. Раселли Ф. Материалы. Сведения о частном золотом промысле в России. С.-Петербург, 1863. С. 3.

4. мку «Архив города Енисейска». Договоры, заключённые купцом Кытмановым с купцами Тарасовым и Штерк, о продаже и передаче приисков. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

5. Там же. Л. 2.

6. Кытманов А. И. Ук. соч. С. 286.

7. мку «Архив города Енисейска». Переписка купца Тарасова с горным исправником по вопросу денежных расчётов с рабочими. 1846–1907 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

двадцать пять лет и закончилась победой героя этой статьи. После покупки паёв начинающий золотопромышленник А. И. Тарасов приступил к разработке приисков Григорьевского и Александровского, находившихся в Северной системе Енисейского округа. Попутно он сделал заявку на Михайловский, который так никогда и не разрабатывался. Интересно, что и месторождения Александровского рудника оказались незначительными, послужив, по данным В. М. Внуковского, «причиной отказа от владений этими приисками»⁸. Прииски были проданы по цене девяносто пять тысяч рублей, а расчёт должен был производиться с добычи золота с последующих операций⁹. Но добыча производилась не столь продуктивно, чтобы позволить Алексею Ивановичу исправно выплачивать стоимость покупки. К тому же сам Першкин в 1851 году заявил претензию на проданные прииски. Параллельно было возбуждено ещё два дела, которые были в итоге соединены Правительствующим Сенатом в одно. Не менее ярким явилось разбирательство по поводу ссуды, взятой Тарасовым в Сибирском банке под квитанции Алтайского горного управления, очевидно, чтобы пораньше расплатиться с долгами. Компаньоны Першкина Устрялов и Бенардаки заявили, что Тарасов, получив ссуду, превысил свои полномочия. Обстоятельства разбирательств осложнялись встречными мелкими заявлениями Тарасова и Першкина друг на друга: о клевете, о взломе замков першкинского амбара и прочими незначительными происшествиями. Дошло до того, что А. И. Тарасов был временно помещён в дом для несостоятельных должников в Петербурге, что дало повод Енисейскому городскому суду в одном из постановлений «прозвать» неудачливого золотопромышленника мешанином. По возвращении в Енисейск наш герой был настигнут в Мариинске товарищем директора Сибирского банка, который отобрал у него ценные бумаги¹⁰.

Поразительно, но обстоятельства судебных интриг не мешали Алексею Ивановичу гибко передвигаться по гильдиям то одного города, то другого. В начале 1860-х годов он состоит в I гильдии Царскосельского купечества. В 1862 году он подаёт жалобу в Департамент горных дел и в Департамент соляных дел всё по тем же вопросам о тяжбе с Першкиным, а также в Правительствующий Сенат, но остаётся недоволен их решениями. Тогда Алексей Иванович решает написать императору Александру II:

«Августейший монарх! Всемилостивейший Государь! Настоящую верноподданническую жалобу я, бывший керченский, а ныне царскосельский I гильдии купец А. И. Тарасов, осмеливаюсь принести Вашему Императорскому Величеству на неправильное определение Четвёртого департамента

*Правительствующего Сената 1 февраля, 15 мая, 6 ноября 1867 г. по трём делам, соединённым в одно»*¹¹. Как видим, в своих стремлениях к завершению тяжб он был готов доходить до самых высоких инстанций. К тому же часть рудников отошла обратно в казну, и Тарасов вполне справедливо заявлял, что *«ввиду этого я в половине 1851 г. не только имею полное основание не считать себя должником компаньонам Першкина за проданные ими мне паи, но, напротив, имею право считать их должными мне излишне удержанные Устряловым и Бенардаки за золото мои деньги»*¹².

А работа на приисках тем временем шла своим чередом. И здесь золотопромышленнику Тарасову также приходилось решать многие вопросы: наём рабочей силы, провиант и доставка оборудования. Также необходимо было налаживать отношения с приисковой администрацией в лице горного исправника и его помощника, что, к сожалению, не всегда успешно выходило. Особенно часто возникали трения, когда исправник начинал обязывать золотопромышленников выделять средства на обустройство приисковых дорог. В 1852 году Алексей Иванович получил следующее послание: *«Господину керчь-енископольскому купцу I гильдии купцу Тарасову. Для отправления в нынешнем году казённой почты с приисков в Енисейск и обратно назначена от вашей компании одна лошадь на станцию Понимбу, которая должна быть поставлена к 1-му апреля и находиться по 5-е июня. Уведомляя Вас, милостивый государь, о сём, я покорнейше прошу распорядиться, чтоб к назначенному времени лошадь на Понимбу непременно была поставлена с конюхом. И запастись заблаговременно потребное количество припасов, по исполнению сего меня уведомить»*¹³. Данный документ ещё раз наглядно иллюстрирует, что частный промысел золота зачастую накладывал множество обязательств

-
8. Внуковский В. М. Отчёт по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Северной части Енисейского округа. С.-Петербург, 1905. С. 49.
 9. мку «Архив города Енисейска». Контракты о работе на приисках А. И. Тарасова и его жалобы на изъятие у него в Сибирском банке банковских билетов. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 33.
 10. Кытманов А. И. Ук. соч. С. 304.
 11. мку «Архив города Енисейска». Контракты о работе на приисках А. И. Тарасова и его жалобы на изъятие у него в Сибирском банке банковских билетов. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 33.
 12. Там же. Л. 41.
 13. мку «Архив города Енисейска». Переписка золотопромышленника Тарасова с горным исправником о доставке продуктов на прииски. 1852 г. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.

на предпринимателей со стороны государственных органов. Немаловажным оставался вопрос о найме рабочих, технических специалистов и управляющих. На тот период времени уже существовали закреплённые нормы по найму, которые нередко на местах корректировались в пользу хозяина приисков. Важным был контракт с управляющим, обязанности которого имели широкий спектр. Вот какие обязательства давал нанимаемый на прииски в сезонные операции 1857 года: «Я, нижеподписавшийся мещанин И. Я. Кельберер, дал сей контракт господину золотопромышленнику купцу 1 гильдии А. И. Тарасову в том, что поступил на службу в должность приказчика на следующих условиях: все поручения, какие он, хозяин, мне прикажет, на золотых ли его приисках, в поисковых ли партиях, в разведках ли, так я, Кельберер, обязан все те поручения на себя принять»¹⁴. До нас дошла только копия данного контракта, состоящего из четырнадцати пунктов. Об ответственности приказчика как раз гласит последний пункт: «За неисполнение возлагаемых на меня поручений, за леность и другие предосудительные поступки господин хозяин или его уполномоченный имеют полное право от должности мне отказать во всякое время. Я же, Кельберер, до истечения срока сего контракта от должности отказываться не имею права»¹⁵. Нетрудно заметить, что условия найма были далеки от равных, что касалось, разумеется, и аналогичных договоров с рабочими.

В 1853 году случился новый скандал. На этот раз наш герой отличился в баталиях с горным исправником Зыбиным. К тому времени Енисейский городской суд вынес постановление о взыскании с него 5720 рублей по предыдущим делам. Тот пропустил срок апелляции, и решение вступило в законную силу. Тарасов, конечно, платить не собирался. Тогда горный исправник Зыбин решил поставить точку в этом деле, лично отправившись в тарасовскую резиденцию, располагавшуюся в деревне Назимово, чтобы описать на взыскиваемую сумму имущество. Перед приездом исправника злостный неплательщик получил

Компаньонка
А. И. Тарасова
по делам добычи
золота Г. Ф. Штерк.
Фото 1878 г.

несколько повесток, в ответ на которые писал «дерзости». По приезде исправника Алексей Иванович всё же был к нему доставлен местными крестьянами, которым досталось в короткой схватке с ретивым золотопромышленником. Интересно, когда потом земский суд вызывал Тарасова для разбора бумаг, тот отвечал, что ему «не в чем явиться», так как исправник Зыбин отобрал всю одежду по описи резиденции в Назимово. Тогда земский суд предложил ему явиться в том одеянии, в котором тот приехал с резиденции Ермака. Наш герой и здесь попытался выкрутиться, заявив: «Ехал почти без брюк, в чужом пальто, колпаке и спальных сапогах, в таком costume он явится в суд, когда последний употребит меры, какие принимал Зыбин»¹⁶. Параллельно этим событиям произошёл инцидент Алексея Ивановича с управляющим княгини Горчаковой Николаем Харченко по поводу квитанций на деньги за приисковый хлеб. Городская управа потребовала от Харченко, чтобы тот не выдавал эти квитанции, а предоставил их управе. А. И. Тарасов решил, что это может быть опасным: квитанции могут быть утеряны,— поэтому выступил против передачи. Тарасов жаловался на Харченко, тот — на Тарасова. Началось разбирательство в окружном суде, который нашел, что «оскорблений не было, а была взаимная неприязнь, и обоем отказал с тем, чтобы они не употребляли больше таких выражений, а Тарасову — чтоб он такими жалобами не обременял присутственные места»¹⁷.

Но далеко не всегда наш герой выглядел как подлинный скряга, судящийся за каждый амбарный замок. Порой он предлагал весьма неожиданные для современников, но действенные меры. Например, в январе 1857 года он откровенно высказался по вопросу о строительстве и содержании Новонифантьевской приисковой дороги, резонно предложив остальным золотопромышленникам: «Не лучше ли нам ходатайствовать, чтобы дорога к приискам была устроена и содержалась из сумм,

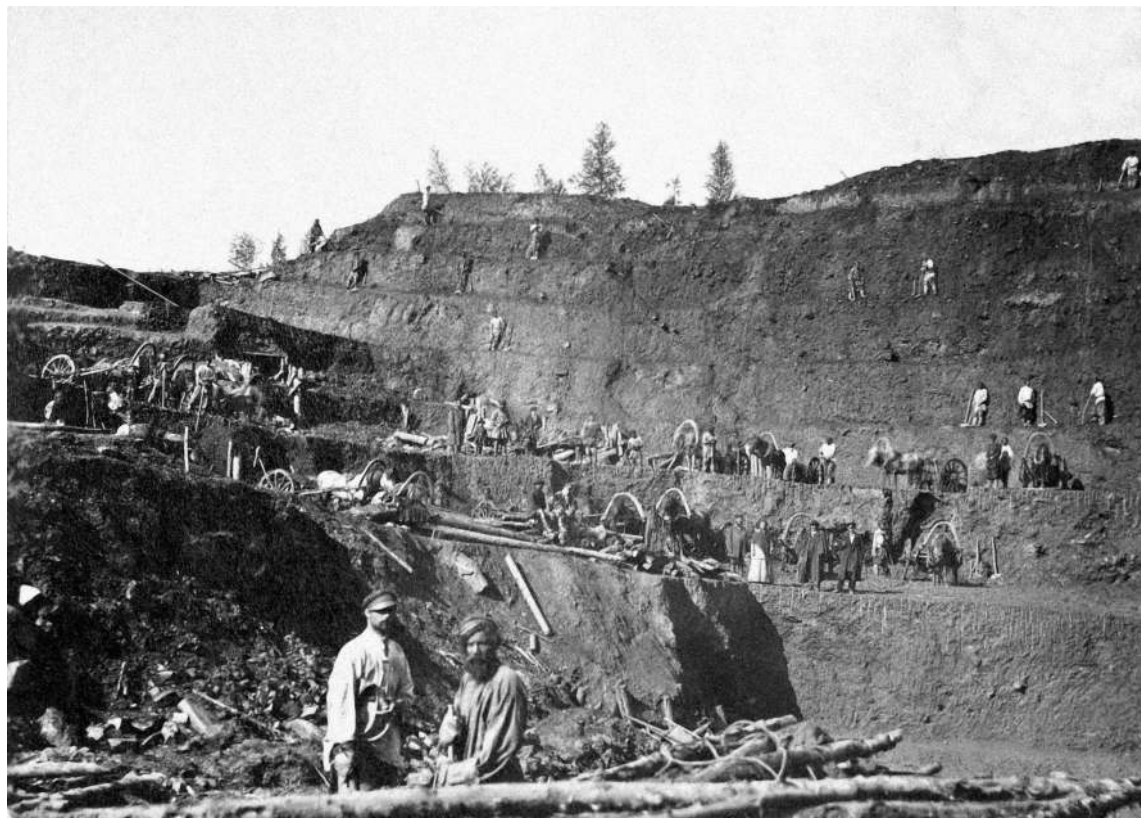
14. мку «Архив города Енисейска». Контракты о работе на приисках А. И. Тарасова и его жалобы царю на томского и западно-сибирского губернаторов об изъятии у него в Сибирском банке банковских билетов. 1853–1879 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–2.

15. Там же. Л. 1–2.

16. Кытманов А. И. Ук. соч. С. 324.

17. Там же. С. 324.

18. мку «Архив города Енисейска». Переписка золотопромышленника купца Тарасова с Енисейским губернским управлением и горным исправником Северной части Енисейского округа о найме рабочих. 1848–1881 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.

Панорамный вид на Александровский прииск А. И. Тарасова. Фото 1880 г.

взымаемых с золота и отчисляемых в пособие к земскому сбору?»¹⁸ Действительно, суммы государственного налогообложения частной золотопромышленности вкуче с многочисленными сборами на содержание приисковой администрации и прочих служб вполне бы хватило для улучшения таёжных коммуникаций. Но, увы, предложение осталось без поддержки. В этом же году он заключил контракт с енисейской купчихой Г. Ф. Штерк о доставке на её прииск припасов.

Об этой особе стоит сказать отдельно, так в последующем её участие в енисейской золотопромышленности и в жизни Алексея Ивановича будет иметь не последнее значение, хотя до конца неясно, объединяло ли их, кроме добычи золота, что-то ещё. Примечательная деталь: в сохранившемся альбоме А. И. Тарасова присутствует фото Генриетты Фёдоровны и даже место её погребения на Крестовоздвиженском кладбище, а газета «С.-Петербургские ведомости» именовала её не иначе как «сожительницей». Но опустим данные подробности и немного расскажем о её личности. Генриетта Фёдоровна Штерк родилась в 1818 году и происходила из города Виндава (сегодня латвийский Вентспилс) Курляндской губернии. Как записано в источниках, «в 1856 г. девица Генриетта Каролина Штерк обратилась в Енисейскую казённую палату с прошением о причислении её

в енисейское купечество»¹⁹. Её прошение было удовлетворено, и под именем Генриетты Фёдоровны она была зачислена во II гильдию. В этом статусе она пребывала до 1862 года, а затем выбыла в енисейские мещане. Известно, что в 1865 году она снова подала прошение в Енисейскую казённую палату—о зачислении её малолетней дочери Татьяны во II гильдию местного купечества. Вопрос рассматривался долго, поэтому Штерки получили временное право на торг «с сохранением настоящего звания». Однако сама Генриетта Фёдоровна перечислена в купечество не была вплоть до начала 1870-х годов, когда она снова упоминается как купчиха II и даже I гильдии. На тот момент она активно разрабатывала небогатый Александровский прииск, арендуемый у А. И. Тарасова. Это подтверждает заключённый 17 декабря 1875 года договор между нею и енисейским купцом Игнатием Петровичем Кытмановым, в котором указывается, что Александровский прииск именно арендуется у героя нашей статьи. И. П. Кытманов по договору обязался в операции 1876 года поставить семьдесят рабочих для вскрытия «торфов» и

19. мк «Архив города Енисейска». Переписка золотопромышленника Тарасова с горным исправником частных золотых приисков о найме рабочих. 1842–1865 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

А. И. Тарасов. Фото 1869 г.

промывки²⁰. В том же году Генриетта Фёдоровна сдаёт Игнатию Петровичу в аренду Лидинский прииск, располагавшийся в Северной системе тайги. Интересно, что этот прииск был куплен ею с торгов в 1872 году, на которых она единственный раз упоминается как енисейская купчиха I гильдии. Примечательно, что дочь золотопромышленницы Татьяна в последующем, окончив Красноярскую женскую гимназию, стала преподавательницей в церковно-приходской школе при Енисейском Иверском монастыре. В 1874 году корреспондент газеты «Биржа», повествуя о деятельности золотопромышленника Тарасова, отмечал: «У него управляет госпожа Штерк, сам же он более живёт в Петербурге, уже несколько лет имея тяжбу с Бенардаки и Пермикиным»²¹.

Но вернёмся к событиям 1857 года. На Чернореченской была сооружена застава, где служащие золотопромышленников Зотовых брали «пропуски» с проходящих на прииски транспортов. Таким образом, они решили взять «пропуск»

и у тарасовского приказчика, у которого эти документы, конечно, оформлены не были. Транспорт был задержан и простоял несколько дней, пока приказчик советовался со своим хозяином. Алексей Иванович заявил, что дороги на прииски свободны и никакие бумаги для передвижения не нужны. Тем временем люди Зотовых временно арестовывают тарасовский товар и, зная его, под расписку складировать в своих амбарах. Расписку передают анциферовскому сельскому старосте. Разумеется, начинается судебная тяжба. Эти припасы предназначались для госпожи Штерк, и наш герой предъявил компании Зотовых иск на 218 400 рублей. Но проиграл все дела: ему отказал окружной суд, а в 1866 году — и губернский суд, который постановил взыскать с Тарасова за неправильную апелляцию ещё и 21 880 рублей пошлины²². Кстати, основными поставщиками провианта на рудники самого Тарасова были купцы И. П. Кытманов и Н. Е. Дрямин. Не обходил стороной он и более мелочные интриги, став самым настоящим заведующим судебных палат. В 1860 году он «завёл тяжбу» с горным исправником Третьяковым. Случилось так, что Тарасов, будучи в гостях у Двинянинова, увидел там зеркало, некогда подаренное Третьякову, который, в свою очередь, справедливо считая его своей собственностью, продал его Двинянинову. Теперь наш герой требует себе зеркало обратно, пользуясь тем, что подарил его Третьякову без всяких расписок, которых тот не взял, считая Тарасова порядочным человеком. И всё же, в небольших перерывах между судебными слушаниями, у него находилось время для общественной работы. Ещё в 1859 году он был избран в состав отделения Попечительства о тюрьмах.

Не всегда всё гладко выходило у Алексея Ивановича и в контактах с рабочими и служащими. В марте 1872 года на его Царскосельском прииске, разрабатываемом Генриеттой Фёдоровной Штерк, произошёл пожар. Из письма Алексея Ивановича горному исправнику следовало, что в деле о поджоге замешаны рабочие и заведующий прииском — тюменский мещанин Степан Евгеньевич Черноколпаков: «По приезде на Царскосельский прииск енисейской купчихи Штерк заведующий этим прииском мещанин С. Е. Черноколпаков, в ответ на отказ г-жи Штерк идти с ним осмотреть новое помещение служащих, выразился так: не пренебрегайте нами, позвизитесь и в нашем помещении. На другой день после этих слов от 23 марта в 2 или 3 часа пополудни, без всякой видимой причины, дом, в котором помещалась г-жа Штерк (в нём было сложено моё имущество и документы мои и конторы моей, привезённые с Александровского прииска), загорелся с той стороны, где было сложено моё имущество и документы и где никакой топкой печей не производилось»²³. Дом сгорел до основания вместе со всеми документами, ущерб

20. мку «Архив города Енисейска». Договоры, заключённые между купцом Кытмановым и купцами Тарасовым и Штерк, о продаже и передаче приисков. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

21. Газета «Биржа» // №124, 1874.

22. Кытманов А. И. Ук. соч. С. 351.

23. мку «Архив города Енисейска». Переписка золотопромышленника купца Тарасова с горным исправником частных золотых промыслов Северной части Енисейского округа по доставке фуража на северные прииски. Ф. 6. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

А. И. Тарасов во время поездки на один из своих приисков. Фото 1879 г.

составил до двух тысяч рублей. Был ли привлечён к ответственности Черноколпаков, на сегодняшний день неизвестно. Сам Царскосельский прииск был во владении Г. Ф. Штерк, сдававшей его енисейскому купцу Алексею Софроновичу Баландину, который уплачивал ей по триста рублей с добытого пуда²⁴. Разработка прииска велась успешно А. С. Баландиным до 1880 года. Затем владельцем прииска значится наш герой, работавший на нём до начала 1900-х годов.

Безусловно, при найме рабочих у золотопромышленников существовали риски. В первую очередь они были связаны с побегам рабочих во время приисковых операций, что грозило срывом работ и кражей золота. Не меньшим был риск поступления на службу разных асоциальных элементов. Так как допускался наём на работы лиц из ссыльных, то конфликтные ситуации становились неизбежными. И Алексей Иванович на собственном опыте смог в этом убедиться. В письме горному исправнику он рассказал такую историю: *«Месяц тому назад повадился ходить в контору 2-жи Штерк, под предлогом нанятия на прииски, поселенец с Яланской волости Павел Гусев, которому более двух недель постоянно отказывали, но убедительные просьбы и мольбы Гусева склонили меня выдать ему 25 руб. в задаток и 4 руб. на проход до прииска. Получив эти деньги, Гусев на прииск не пришёл, вследствие чего был отправлен*

*к Вашему Высокоблагородию для принятия мер к отправлению его на прииск 2-жи Штерк, и уже несколько дней считал себя от него свободным. Но вечером сего числа Гусев явился в мою квартиру с угрозами, требуя от меня ещё денег, если же я не желаю себе погибели, и что он на прииски не пойдёт, и если его и отправят насильно, то он постарается там свернуть мне шею»²⁵. Ещё один любопытный казус случился со специалистом по сборке золотопромывальной машины. А. И. Тарасов писал горному исправнику следующее: *«Вашему Высокоблагородию имею честь объявить, что 2-го числа настоящего месяца находившийся у меня в услужении для сбора паровой машины рижский гражданин Аминиус Фридрих Дольвец неизвестно куда скрылся, оставив машину несобранной, а быть может, даже испорченной»²⁶. Бывали и встречные иски. В 1875 году жалобу на золотопромышленника подал крестьянин Канского округа Рыбинской волости Андрей Зелинский, сообщая, что ещё в 1874 году нанимался на работы к Тарасову в составе артели из двадцати трёх человек. По завершении работ Тарасов не вернул паспорта под предлогом долгов, оставив их в своей конторе²⁷.**

В 1876 году Алексей Иванович потерял свою компаньонку: 1 октября умерла Генриетта Каролина (в святом миропомазании Александра Фёдоровна) Штерк. А. И. Тарасову действительно была близка эта женщина, что им неоднократно доказывалось. В 1879 году он вышел в Енисейскую городскую думу с предложением внести три закладных листа Харьковского банка в пользу женской прогимназии. Проценты с этих бумаг должны быть выдаваемы самой способной из учениц по окончании ею курса прогимназии. Также, по условиям жертвователя, имя Александры Фёдоровны (в документах приводится и Генриетта Фёдоровна) должно было украшать собой лучшее место в этом учебном заведении. Однако благое намеренье было неосуществимо, так как закладные листы банка не являлись бумагами, гарантированными правительством. А. И. Тарасову было предложено

24. Внуковский В. М. Ук. соч. С. 46.

25. мку «Архив города Енисейска». Переписка золотопромышленника купца Тарасова с Енисейским губернским управлением и горным исправником Северной части Енисейского округа о найме рабочих. 1848–1881 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

26. мку «Архив города Енисейска». Переписка золотопромышленника Тарасова с горным исправником частных золотых промыслов о найме рабочих, о расхищении имущества и припасов с приисков. 1851–1877 гг. Ф. 6. Оп. 1 Д. 14. Л. 5.

27. мку «Архив города Енисейска». Переписка золотопромышленника Тарасова с горным исправником о найме рабочих. 1848–1914 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

обменять на гарантированные, но он отказался²⁸. В 1880 году Алексей Иванович на свои средства поставит большой красивый памятник на могиле своей компаньонки по золотому промыслу на Крестовоздвиженском кладбище.

Переживая утрату, наш герой, тем не менее, находил возможность продолжать судебные процессы. В 1879 году в тайге разгорелся новый скандал. После смерти Г. Ф. Штерк Тарасов сдал свои прииски — Александровский и Григорьевский — в аренду енисейским купцам Грязновым. В частности, арендатором выступал Ефим Грязнов. Параллельно Тарасов подал жалобу на А. С. Баландина и его управляющего — колыванского купца Ксенофонта Фёдоровича Старцева, заявляя, что те якобы занимались расхищением припасов с его Иоанно-Предтеченского прииска. Видимо, чтобы поскорее отвязаться от Тарасова, Старцев поспешил написать объяснительную горному исправнику. Возвращаясь к делу о судебном процессе с Грязновыми, важно отметить, что претензии Алексея Ивановича в этот раз имели под собой основания. Арендуя тарасовские прииски, Ефим Алексеевич обязался выплачивать все необходимые пошлины государству. Грязновы ничего не заплатили, и над приисками нависла угроза отчисления в казну. Видя это, Алексей Иванович подаёт на Грязновых жалобу в Енисейский городской суд, а затем — и в губернский. Но, не дождавшись нужного решения, он пишет в Правительствующий Сенат. Во всех этих инстанциях, вставших на сторону купцов Грязновых, он не добивается успеха. Между прочим, они заявляли, что *«не собираются уплачивать, потому что эти прииски не разрабатывали, не получив их планов и чертежей»*²⁹. Разумеется, А. И. Тарасова не устроило такое объяснение, поэтому обманутый золотопромышленник пишет письму императору Александру II, в котором замечает: *«Грязнов по-саженно платит за прииски, а не за пользование*

*оними, и не со дня выдачи планов, а со дня принятия им на себя этой обязанности и поступления в его распоряжение приисков, имущества, о котором Грязнов испросил Енисейскую полицию <...> что он и просил от меня принять, а если у него ничего этого не было и он таковым не пользовался, то, разумеется, он бы не просил об этом»*³⁰. Сын Ефима Грязнова, Гаврил Грязнов, продолжал настаивать на том, что тарасовские прииски *«за ним не перечислены, и время работ на них упущено»*³¹. Интересно, но составленная жалоба на Грязновых была отправлена от имени просителя енисейским мещанином Василием Шипуновым, как сказано в документе, *«жительствоующим в доме просителя в собственном доме по Успенской улице, 14»*³². Жалоба была написана в 1890 году, и её результат нам, к сожалению, неизвестен. Видимо, чтобы избавиться от многострадальных приисков, Алексей Иванович передаёт их в аренду в 1885 году. Сохранился документ, проливающий свет на эту сделку: *«От Горного отделения Главного управления присылаемое потомственным почётным гражданином, 1 гильдии купцом И. П. Кытмановым и долматовским купцом И. З. Комякиным прошение о перечислении за ними приисков Александровского по р. Безымянной и Григорьевского Северной части Енисейского округа, приобретённых от царскосельского купца А. И. Тарасова по условию от 31 января 1885 г.»*³³. В 1880 году он снова отличился, привыкнув, как говорил М. П. Миндаровский, *«поступать казуистически»*. В этом году золотопромышленники Северной тайги составили смету на содержание горного исправника, его помощника, казаков охранной команды и местных арестантов. Данную смету подписал и А. И. Тарасов, но затем, видимо, раздумав, заявил о недействительности своей подписи. Как обычно, началась длительная переписка по этому вопросу, продолжавшаяся не один год. В конце концов помощник енисейского полицейского пристава третьего участка и окружное полицейское управление подвели черту, признав подпись заявителя действительной³⁴.

Всё же Алексей Иванович, оклемавшись от очередной тяжбы, возвращается к общественной жизни. Ещё в 1876 году он предложил городской Думе свою библиотеку старых собраний 1840–1860-х годов. По его предложению, книги могли быть доступны в шкафах рядом находившейся городской управы. Но Дума, не найдя места для книг, вынуждена была отказать. В 1890 году он выступает за улучшение енисейской пожарной команды, снабжение её самым современным инвентарём. Тогда же он пробует себя в роли гласного городской Думы. Правда, первые же его проекты вызвали много дискуссий и не состоялись на благо города. В частности, А. И. Тарасов предлагал взамен обветшалого Толчейного моста через реку Мельничную (сегодня район улицы Ленина)

.....

28. Газета «Санкт-Петербургские известия» // № 13, 1879.

29. мку «Архив города Енисейска». Переписка золотопромышленника Тарасова с горным исправником по вопросу денежных расчётов с рабочими. 1846–1907 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.

30. Там же. Л. 32.

31. Там же. Л. 33.

32. мку «Архив города Енисейска». Переписка купца Тарасова с горным исправником по вопросу денежных расчётов с рабочими. 1846–1907 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.

33. мку «Архив города Енисейска». Договоры, заключённые купцом Кытмановым с купцами Тарасовым и Штерк о продаже и передаче приисков. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.

34. мку «Архив города Енисейска». Переписка купца Тарасова с горным исправником по вопросу денежных расчётов с рабочими. 1846–1907 гг. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.

построить новый со стороны улицы Успенской (сегодня район улицы Рабоче-Крестьянской). Остальные думыцы не поддержали инициативу, сочтя её нецелесообразной. Как писал А. И. Кытманов, «Тарасов был впервые гласным Думы и, как привыкший всю жизнь вести тяжбы и судебные дела, так и в дела Думы вносил свой любимый взгляд на дело»³⁵. Ещё одна немного странная благодетельность от А. И. Тарасова должна была осчастливить Енисейскую мужскую гимназию. При этом жертвователю настаивал, что коллекция уральских минералов должна быть выставлена только в этом учреждении. Как писал М. П. Миндаровский, «с надписью на витринах, в которых помещена будет данная коллекция, о том, что она привнесена в дар таким-то и таким-то»³⁶. К коллекции прилагался алфавитный указатель с двумястами наименованиями, который сегодня хранится в Енисейском краеведческом музее. По иронии, указатель оказался в музее вопреки воле владельца, так как Алексей Иванович не особо сочувственно относился к детищу А. И. Кытманова, Н. В. Скорнякова и М. О. Маркса. Тарасов ошибся. Пока шла передача минералов в гимназию, Алексея Ивановича не стало. Его душеприказчик отдал их в городскую управу, где они и хранились до начала революционных событий 1917 года, после которых тарасовский дар канул в Лету, сохранившись только на листах алфавитного указателя.

Важно осветить ещё одну сторону жизни господина Тарасова — любовь к фотоделу. Действительно, как сообщают источники, он владел собственной фотографической мастерской, подарив истории два альбома с изображениями золотопромышленных приисков и построек города Енисейска. Идя в ногу с прогрессом, он сам любил фотографироваться, часто оставляя под снимком собственноручные комментарии. В это время он выбывает во II гильдию и сдаёт свой дом крестьянину под постоянный двор³⁷.

Не оставался он в стороне от общественных нужд и позднее. Так, при открытии в 1899 году новой городской лечебницы была организована общественная подписка на приобретение для неё медицинских инструментов и оборудования. И первым, кто на неё откликнулся, был наш Алексей Иванович, пожертвовавший некоторые хирургические принадлежности и часть аптечного инвентаря.

Годы неотвратимо обременили таёжного бунтовщика, но Алексей Иванович ещё неоднократно доказывал, что способен жить по раз и навсегда заведённым принципам. Правительствующий Сенат приговорил его к семи дням ареста за оскорбительные выражения в официальной бумаге в адрес присутственных мест. А. И. Тарасов начинает отбывать наказание в местном тюремном замке и на первой же вечерней поверке заявляет

смотрителю, что тот должен отпустить его ночевать домой, так как приговорён судом на семь дней, а не суток. В итоге на объяснения с необычным арестантом прибыл сам полицейский чиновник, чего, собственно, наш герой и добивался, вволю поглумившись над неточными формулировками приговора. В 1880–1881 годах на его приисках прошли волнения рабочих. В целом это даже походило на небольшую аферу. Так как к этому времени ещё довольно сильно было послекусие двадцатилетнего суда с компанией Першкина, поэтому Горное управление не выдало книг на запись золота. Тогда маститый золотопромышленник придумывает интересный ход — он телеграфирует Горному отделению, что на его приисках происходят волнения рабочих, которые требуют эти книги. Началась активная переписка. Представители властей, приехав на дознание, бунтов не обнаружили, за что Алексей Иванович был обвинён в ложном доносе. Как видим, всё в духе золотоискательных интриг.

Постепенно о нём стали слагать городские легенды, передаваемые через мемуары современников. Сегодня сложно судить о том, насколько реальность граничит там с вымыслом. Например, утверждалось, что А. И. Тарасов был единственным, кто не платил один рубль с каждого своего рабочего на содержание горного исправника и инженера, таким образом протестуя против сильного налогообложения частных промыслов. Конечно, такие выходки не могли не стать причиной частых визитов приставов. Вот и пожаловали однажды приставы с исполнительным листом об уплате очередного штрафа. Алексей Иванович отказался. Приставы предупредили, что в таком случае будет сделана опись имущества на данную сумму. Тарасов указал на свою библиотеку. Порядка недели корпели чиновники над тарасовской библиотекой, набирая на нужную сумму, и вот, наконец, предлагают владельцу принять опись на согласование до дня продажи. А. И. Тарасов расписывается в принятии, получает копию описи и тут же вручает чиновнику требуемую с него сумму, заявляя: «Давно я уже собирался составить опись своей библиотеки, да всё как-то не удавалось»³⁸. Или вот ещё одна история. Тарасов был вызван к мировому судье по повестке ровно на десять часов. Придя ровно к назначенному времени и не обнаружив судью на месте, он тут же

.....
35. Кытманов А. И. Ук. соч. С. 634.

36. Миндаровский М. П. Мои записки и воспоминания 1891–1916 гг. Машинопись. С. 58.

37. Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах XVIII—начала XX вв. Новосибирск, 2012. С. 256.

38. Миндаровский М. П. Ук. соч. С. 61.

пишет письмо письмоводителю примерно такого содержания: *«Был точно в назначенное время, но, к сожалению, не застав судьбы и не имея времени дожидаться, свидетельствует ему своё почтение»*³⁹. Но эпоха многолетних судебных тяжб подходила к концу, и теперь нашему герою приходилось вести судебные баталии по всяким мелочным поводам. В 1891 году таким поводом стала корова. Дело в том, что Тарасов опекал семью енисейских мещан Акимочкиных, снабжая их припасами и деньгами. После смерти главы семейства, Ивана Фомича Акимочкина, он продолжил опеку над ними, передав вдове Ефросинье с двумя детьми корову. Но женщина бросила и детей, и корову. А в 1891 году скотина вернулась во двор купца. И здесь обнаружился претендент — крестьянка Россихина, якобы ранее получившая эту корову от Акимочкиной. Дело тянулось до 1892 года, завершившись победой Тарасова.

В конце 1890-х годов это был уже не тот известный городу и округу скандалист и завсегдага судейных процессов. *«Тарасова я стал знать уже во времена упадка золотопромышленности, и видел его всегда скромным, степенным старичком, ведущим скромную, уединённую жизнь в собственном деревянном доме в нагорной части по Успенской улице. Это был довольно интеллигентный человек, по своей оригинальности, собеседник, владелец весьма солидной библиотеки 40-60-х гг.»*⁴⁰, — вспоминал о нём М. П. Миндаровский. В 1900 году А. И. Тарасов продаёт свой Григорьевский прииск, некогда выстрадавший в судебной саге у компании Першикина, купцу II гильдии Арсению Фёдоровичу Петрову за десять тысяч рублей. А. Ф. Петров в этот же год начинает там работы при команде рабочих из двадцати человек⁴¹. Интересно, но,

практически не занимаясь добычей золота, Алексей Иванович в начале двадцатого века оказался в реестре неблагонадёжных кредиторов, находясь там даже после своей смерти. По данным отчёта, его долг составлял пятьдесят рублей восемьдесят копеек⁴². Больше не упоминается и его проживание в Петербурге — видимо, отойдя от дел, он расстался и со столичной жизнью.

В 1902 году Алексея Ивановича Тарасова не стало. Он умер 13 апреля, как записано в источниках, *«от старческого истощения»*⁴³. Был отпет в Успенской церкви, прихожанином которой являлся, и похоронен на Крестовоздвиженском кладбище. Могила на сегодняшний момент утеряна. Также была утеряна и его деревянная усадьба, погибшая в пожаре 1905 года. Тогда же Енисейским общественным музеем был приобретён большой архив купца, который после революционного лихолетья оказался в других учреждениях. Сегодня большой фонд документов А. И. Тарасова находится в Енисейском городском архиве.

Личность купца Алексея Ивановича Тарасова была столь противоречивой в глазах общественных деятелей того времени, что в последующем это противоречие переключалось на страницы воспоминаний, заложив окончательно прочный фундамент представления о нём как о буяне и скандалисте, утопившем в море апелляций своих оппонентов. Всё это так, но вместе с тем это был интереснейший, просвещённый человек, разносторонний по своим интересам, идущий в ногу со временем и никогда не отступавший от своих жизненных принципов. В конце концов, наш герой был ребёнком своей эпохи, пойманным, как и многие его современники, в аркан золотого бога.

.....

39. Там же. С. 61.

40. Там же. С. 60.

41. Внуковский В. М. Ук. соч. С. 245.

42. Отчёт распорядителя бюро золотопромышленников Северо-Енисейского горного округа А. Т. Востротина. 1905. С. 10.

43. мку «Архив города Енисейска». Метрическая книга Градо-Енисейской Успенской церкви за 1902 г. Ф. 273. Оп. 1. Д. 302. Л. 59.